

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 460–470
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 460–470
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>, EDN: VGQZJC

Научная статья
УДК 342.41

Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества

Е. В. Бердникова¹, С. А. Куликова^{1,2} ✉

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Бердникова Елена Валерьевна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юридических наук, ¹профессор кафедры конституционного и муниципального права, ²профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Аннотация. *Введение* Проблемы формирования и сохранения российской национальной конституционной идентичности актуализируются в условиях развития цифровых технологий, способствующих распространению информационных продуктов массового потребления, релятивистских ценностей, использованию манипулятивных инструментов воздействия на общественное сознание. *Теоретический анализ.* В современном научном дискурсе понятие «национальная конституционная идентичность» употребляется в трех смыслах: во-первых, как самоидентификация Конституции, во-вторых, как совокупность критериев допустимого воздействия на конституционный правовой порядок со стороны наднациональных институтов (международных организаций, межгосударственных органов интеграционных союзов и т.д.); в третьих, как система духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущая нации и нашедшая отражение в тексте Конституции. *Эмпирический анализ.* Специфика формирования национальной конституционной идентичности в условиях информационного общества рассмотрена применительно ко всем трем описанным выше концепциям. *Результаты.* На современном этапе развития нашего государства к основным механизмам формирования российской национальной конституционной идентичности относятся конституционализация информационно-правовых отношений, защита цифрового суверенитета, аксиологическое измерение процессов, характерных для информационного общества.

Ключевые слова: конституционная идентичность, самоидентификация Конституции, разграничения суверенной и коммунитарной юрисдикций, конституционализация нравственных ценностей, информационное общество, цифровой суверенитет

Для цитирования: Бердникова Е. В., Куликова С. А. Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 460–470. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>, EDN: VGQZJC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political and legal mechanisms for the formation of Russian constitutional identity in the conditions of information society

E. V. Berdnikova¹, S. A. Kulikova^{1,2} ✉

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Elena V. Berdnikova, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Svenlana A. Kulikova, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Abstract. Introduction. Problems of the formation and preservation of Russian national constitutional identity are becoming topical in the context of the development of digital technologies that promote the dissemination of information products of mass consumption, relativistic values, and the use of manipulative tools to influence public consciousness. *Theoretical analysis.* In modern scientific discourse, the concept of “national constitutional identity” is used in three senses: firstly, as the self-identity of the Constitution; secondly, as a set of criteria for the permissible impact on the constitutional legal order by supranational institutions (international organizations, interstate bodies of integration unions, etc.); thirdly, as a system of spiritual, moral and political-legal values inherent in the nation and reflected in the text of the Constitution. *Empirical analysis.* The specifics of the formation of national constitutional identity in the conditions of information society are considered in

relation to all three concepts described above. **Results.** The main mechanisms for the formation and preservation of the Russian national constitutional identity include the constitutionalization of information and legal relations, the protection of digital sovereignty, and the axiological dimension of processes characteristic of the information society.

Keywords: constitutional identity, self-identity of the Constitution, delimitation of sovereign and communitarian jurisdictions, constitutionalization of moral values, information society, digital sovereignty

For citation: Berdnikova E. V., Kulikova S. A. Political and legal mechanisms for the formation of Russian constitutional identity in the conditions of information society. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 460–470 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>, EDN: VGQZJC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Концепт национальной конституционной идентичности в настоящее время является предметом пристального научного внимания российских ученых, что обусловлено, с одной стороны, глобальными изменениями во внутренней и внешней политике нашего государства, направленными на укрепление его единства, независимости и национального суверенитета, а с другой – внедрением кибертехнологий, способствующих распространению информационных продуктов массового потребления, релятивистских ценностей, преобразованию инструментов воздействия на общественное сознание.

Само определение национальной конституционной идентичности нуждается в более глубокой критической оценке и анализе с точки зрения содержания, а также факторов и политико-правовых механизмов, влияющих на ее формирование, в том числе в условиях обнаружившихся противоречий развития информационного общества.

Теоретический анализ

Изучение научной литературы по рассматриваемой теме позволяет констатировать, что понятие «национальная конституционная идентичность» употребляется в трех смыслах: во-первых, как самоидентичность Конституции; во-вторых, как совокупность критериев допустимого воздействия на конституционный правопорядок со стороны наднациональных институций (международных организаций, межгосударственных органов интеграционных союзов и т.д.); в третьих, как система духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущая нации и нашедшая отражение в тексте Конституции.

Доктрина конституционной идентичности, понимаемой как самоидентичность конституции, базируется на философской концепции идентичности, в рамках которой вещь может быть идентична только самой себе. В данном случае речь идет о статическом внутреннем состоянии объекта, который при изменении

внешних условий всегда остается одним и тем же, непрерывным в своем развитии [1, с. 170]. В конституционном праве это проявляется в постулате, согласно которому наиболее важные конституционные положения и/или принципы, характеризующие основное содержание конституции, не могут быть изменены в течение ее действия. В рамках этой концепции Д. Г. Шустров рассуждает следующим образом: «Если попытаться определить конституционную идентичность одним словом, то это будет слово “сущность”. Конституционная идентичность выражает сущность конституции. Именно неизменяемые конституционные положения и/или принципы придают конституции идентичность. С изменением этих положений и/или принципов конституция утрачивает свое основное содержание, теряет свою сущность, а вслед за этим исчезает конституционная идентичность, на ее месте возникает новая конституция» [2, с. 26]. В приведенном выше рассуждении концепция самоидентичности конституции представлена несколько упрощенно, но наглядно.

Механизмы сохранения самоидентичности Конституции России заложены в ее тексте:

– в ч. 1 ст. 15, где указывается, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации;

– в ст. 16, согласно которой основы конституционного строя Российской Федерации не могут быть изменены иначе, как в порядке, установленном в самой Конституции, положения последующих глав Конституции не могут противоречить Главе 1;

– в ст. 135, содержащей запрет изменения глав 1, 2, 9 Федеральным Собранием и предусматривающей особо сложный порядок пересмотра Конституции [3].

Проблема самоидентичности Конституции обсуждалась в рамках дискуссии о «живой конституции», т.е. о возможности «преобразования» конституционных положений не путем изменения текста, а в результате их толкования Конституционным Судом РФ. Сторонники

концепции «живой конституции» исходят из необходимости развития конституционных положений в ответ на запросы времени, обусловленные формированием новых социально-экономических, технологических и политических реалий [4, с. 219]. Неизменный текст конституции «оживает» в правотворческой и правоинтерпретационной деятельности органа конституционного контроля. По образному высказыванию В. Д. Зорькина, «идеального текста конституции, не допускающего неоднозначных толкований, нет и быть не может ... Конституция – не мертвый текст, не пыльный манускрипт, лежащий на полке. Конституция живет и творит в сложном контексте культуры и идеологий, которые не могут не влиять на ее творящее действие. Соприкосновение этого текста с целостной жизнью социальной реальностью – в его интерпретациях. А суть этих интерпретаций – в практическом правотворчестве и правоприменении» [5]. Критики указанной концепции задаются вопросом: до какого предела Конституционный Суд может «преобразовывать» Конституцию? По мнению Б. С. Эбзеева, «мера эластичности Конституции не имеет четких правовых критериев, а в основе ее интерпретации лежат не юридико-аналитические методы, а вненормативные, в том числе политические, факторы», что может привести к нарушению принципа самоотжественности Конституции [6, с. 105–106].

Определенные выводы указанной дискуссии были представлены в работах В. Т. Кабышева: «Там, где интерпретатор выходит за рамки конституции, он больше не интерпретирует, а изменяет или нарушает конституцию... Конституционное полномочие Конституционного Суда РФ по толкованию Основного Закона есть уяснение, разъяснение смысла интерпретируемых норм, но ни в коем случае не создание новой нормы» [6, с. 105–106].

Дискуссия о «живой конституции», безусловно, обогатила доктрину конституционного права и продуцировала выработку механизмов защиты самоотжественности российской Конституции. В этой связи характерно, что Законом РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были введены новые политико-правовые механизмы изменения норм Конституции – Заключение Конституционного Суда РФ и Всенародное голосование, направленные на легитимизацию предложенных изменений и нивелирующие возможности нарушения принципа самоотжественности Конституции РФ [7, с. 16].

Вторая концепция конституционной идентичности – как совокупности критериев допустимого воздействия на конституционный правопорядок со стороны наднациональных институций – получила свою актуальность в результате развернувшегося в последние десятилетия конфликта между конвенционной и суверенной юрисдикцией. Суть этой концепции отражена в решении Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г.: «...суверенное государство, признавая в связи с выполнением обязательств по отдельным международным соглашениям юрисдикцию межгосударственного контрольного органа, чьи решения воздействуют не только на национальное правоприменение, но и на законодательство, для того, чтобы не утратить основополагающие начала национального бытия, не растворить без остатка свой правовой строй во внешнем регулировании, нуждается в сохранении основополагающих, а потому неизменных, элементов правопорядка» [8].

Указанная концепция исходит из того, что определенную угрозу политической индивидуальности государства могут представлять общемировые глобализационные процессы и участие в межгосударственных интеграционных объединениях. Не случайно, что многие отечественные ученые, определяя изначальный контекст использования термина «конституционная идентичность», ссылаются на Маастрихтский договор 1992 г., который послужил де-юре созданию Европейского союза и закрепил в том числе принцип уважения национальной идентичности стран-участниц.

Вовлеченность государства в интеграционные объединения, по сути, является одним из факторов, непосредственно влияющих на конституционную идентичность страны, поскольку некоторые наднациональные образования, особенно если речь идет о политическом союзе, предусматривающем создание наднациональных органов и единой наднациональной правовой системы, могут накладывать определенные обязательства на формирование внутреннего права. Ярким примером может являться Совет Европы, участником которого была Российская Федерация, когда в последние годы перед выходом из его состава значительно усилился конфликт между конвенциональными и конституционными нормами. Как отмечают современные авторы, именно обострение дискуссии о соотношении конституционных регуляторов и права Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. послужило

появлению и актуализации в отечественном праве категории «конституционная идентичность» в связи с проявившимся конфликтом между ними в рамках серии судебных дел в Европейском суде по правам человека [9, с. 55].

Конфликтность норм международного и национального права является одной из основных причин поиска баланса между наднациональными обязательствами и внутренними интересами страны. В решении данной непростой задачи, по мнению Е. В. Виноградовой, «должно стать нормой особое внимание наднациональных органов к базовым элементам конституционной идентичности, которые образуют внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя, что позволит снизить вероятность конфликта между национальным и наднациональным правом» [10, с. 31]. Однако при этом возникает непростой вопрос: а что если наднациональные органы не захотят учитывать эти «базовые элементы», будут настаивать на исключительности конвенционального права?

Поиск механизмов разграничения суверенной и коммунитарной (т. е. реализуемой институтами Европейского союза) юрисдикций характерен для многих стран Европы. Наиболее популярным стал отказ от исполнения решений международных судов. Например, в 2002 г. Палата лордов Великобритании отказалась признать постановление ЕСПЧ от 25 февраля 1997 г. по делу *Бойла против Великобритании* в качестве общего прецедента. Затем Верховный суд Соединенного королевства принял несколько прецедентных решений, в которых устанавливаются условия частичного либо полного отказа от исполнения решений ЕСПЧ. Конституционный суд Италии в своих постановлениях № 348 и 349, принятых в 2007 г. в ответ на постановление ЕСПЧ от 29 марта 2006 г. по делу «Скордино против Италии», разграничил конвенционную и суверенную юрисдикции, указав, что никакая норма международного права не может преобладать над основными принципами национальной Конституции, поэтому, если в споре о конституционности нормы внутреннего права будет поднят вопрос о применении Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, то подлежит проверке совместимость ее норм в истолковании ЕСПЧ с положениями Конституции Италии. Решением Федерального Конституционного суда ФРГ от 5 мая 2020 г. (BvR 859/15) акт института Европейского союза (Европейского центрально-

го банка) был признан принятым с очевидным превышением полномочий, а потому не подлежащим применению на территории Германии.

Важную роль в констатации российской правовой суверенности сыграл и Конституционный Суд РФ, который в своих решениях формально закрепил приоритет Конституции РФ и свою определяющую роль в решении конфликта конвенционально-конституционных норм: «Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации» [11].

Говоря о содержании политико-правового механизма, способствующего формированию конституционной идентичности, следует отметить, что в данном процессе ключевую роль играет именно дихотомия используемого инструментария: задействования как политических ресурсов, так и средств нормативной правовой регуляции. Интегративность политического и правового аспектов в направлении формирования конституционной идентичности является объективным условием, которое позволяет ставить и достигать политические цели и одновременно легитимизирует и юридически закрепляет средства их достижения и результат.

Третья концепция, рассматривающая национальную конституционную идентичность как систему духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущую нации и нашедшую отражение в тексте Конституции, получает свое развитие в последние годы. Все чаще звучит тезис о том, что «единство государства и нации достигается посредством их взаимодействия на базе общих ценностей, символов и образов» [12, с. 5]. Важнейшим компонентом национальной идентичности является, по мнению К. А. Кузнецова и П. А. Щелина, «определенный набор общих ценностей, установок, разделяемых подавляющим большинством членов нации... Сформированные, как правило, в ходе сложных исторических процессов, выявивших именно те аспекты деятельности и характера социума, которые являлись наиболее важными для успешного выживания нации, эти ценности и идеи являются настолько привычными для граждан государства, что воспринимаются ими на подсознательном уровне» [13, с. 33].

Национальная идентичность народа, основанная на исторически сложившихся традиционных ценностях и принципах, на природной ментальности общества, должна отражаться в содержании конституции как главного политико-правового акта страны.

По мнению В. И. Крусса, российские конституционные ценности так же неповторимы и уникальны, как и у всякого суверенного народа, создающего и воспроизводящего свою государственность в историческом контексте лингво- и социально-культурной преемственности и смены поколений [14, с. 11]. Г. Н. Комкова подчеркивает, что «конституционные ценности находятся во взаимосвязи, взаимовлиянии, их реализация определяет особенности правовой системы Российского государства. Только системное, совокупное их действие может привести к желаемому для всего общества результату... Их защита является актуальной задачей российского общества и государства, поскольку именно они смогут обеспечить необходимый баланс интересов отдельной личности и всего социума в условиях построения современного демократического и правового государства» [15, с. 99].

Субъектом конституционной идентичности выступает прежде всего государство, которое является носителем национальной индивидуальности и закрепляет на конституционном уровне специфические черты политической, социальной, экономической, духовной сфер жизни общества, обусловленные историческими, этноконфессиональными, культурными традициями народов, проживающих на его территории.

Профессор Е. В. Виноградова по этому поводу пишет: «Конституционные ценности в разных странах, являясь элементами системы национальной конституционной идентичности, формируют уникальные модели на основе специфических исторических, культурных, философских традиций» [10, с. 43]. Эту же идею отстаивает и Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, указывая, что «конституционная идентичность выкристаллизовывается каждым государством из своего уникального индивидуального опыта. Она не может быть “придумана” или изменена каким-либо волевым решением, равно как она не может быть навязана извне. Идентичность заключена во всей совокупности исторических, культурных и социальных факторов, преломленных в праве» [16, с. 12].

Национальные ценности, соответствующие духовно-нравственным традициям народа, могут

быть как изначально заложены в тексте Конституции, так и дополняться с учетом развития и усложнения общественных отношений.

В целом, следует отметить, что полисемичность концепта национальной конституционной идентичности, с одной стороны, затрудняет его анализ, поскольку в него включаются отличающиеся друг от друга теории, с другой – нельзя не подчеркнуть, что они тесно взаимосвязаны друг с другом и, скорее, являются различными аспектами одного и того же феномена.

Эмпирический анализ

Специфика формирования национальной конституционной идентичности в условиях информационного общества может быть рассмотрена применительно ко всем трем описанным выше концепциям.

В координатах доктрины самоидентификации конституции актуализируются вопросы о необходимости и возможности установления гарантий действующих конституционных прав и свобод граждан, отражающих современный уровень развития технологий, признания цифровых прав как нового поколения прав человека, закрепления и регламентации цифровых обязанностей пользователей. Перспективы конституционализации отношений, характерных для информационного общества, давно обсуждаются в научной юридической литературе.

М. А. Федотов обращал внимание, что в Конституции Российской Федерации недостаточно представлены нормы, позволяющие формировать право киберпространства, в результате по мере «продвижения в новое информационно-цивилизационное пространство» предстоит существенная адаптация Конституции к реалиям информационного общества [17, с. 164]. Анализируя перспективы конституционализации информационного общества, Л. Н. Бокова и Д. В. Абдрахманов, приходят к выводу, что действующая Конституция России по-прежнему способна «являться правовой основой для регулирования отношений в информационном обществе», однако «информатизационный потенциал Конституции с развитием информационного общества и информационного законодательства истощается» [18, с. 33]. Н. В. Варламова полагает, что «технологические инновации влекут за собой появление новых цифровых прав человека, которые принципиальным образом отличаются от традиционных прав и образуют новое поколение прав человека» [19, с. 9], что требует их конституционно-правового осмысления.

Наиболее смелое предположение было высказано С. М. Шахраем, заявившем, что «стартовой площадкой, “матрицей” для возникновения права цифрового общества может и должна стать цифровая конституция, которая способна дать необходимую основу согласия, творческий импульс и эффективные механизмы для становления нового социального порядка в новой реальности – киберпространстве» [20, с. 1076].

Среди прав, которые требуется признать, в научной литературе выделяются право на доступ к сети «Интернет» [21, с. 7; 22, с. 146], право на пользование электронными устройствами и право на создание своей цифровой оболочки в виде различных цифровых профилей [23, с. 39], право на защиту от машинной обработки данных [24, с. 38; 25, с. 222], право на защиту возможностей, которые предоставляет цифровое пространство [26, с. 72], и др. Гораздо меньше внимания уделяется цифровым обязанностям, которые должны стать неотъемлемым элементом цифрового статуса личности. Но такие работы появляются, например, В. В. Невинский в качестве универсальной цифровой обязанности человека называет «обязанность выходить в информационное поле с достоверной информацией» [27, с. 30].

Механизмы, предлагаемые для конституционализации отношений, характерных для информационного общества, различны. Самый радикальный – принятие новой, «цифровой» конституции. Более взвешенным и соответствующим юридической технике изменения Конституции РФ представляется механизм включения норм, гарантирующих реализацию цифровых прав, через обязанности органов публичной власти. Оглядываясь на опыт зарубежных стран, можно сказать, что установление права на доступ к Глобальной сети в конституционных актах – пока редкость, тем не менее, такие примеры уже есть. В Конституции Грузии введена норма, согласно которой «все имеют право на доступ к Интернету и свободное пользование Интернетом» (ч. 4 ст. 17) [28]. В Конституции Греции содержится более широкая норма: «Все лица имеют право участвовать в информационном обществе», включая «доступ к информации, передаваемой в электронном виде» (ч. 2 ст. 5А) [29].

К другим механизмам относится принятие федерального закона с условным названием «Об основах регулирования отношений в сети “Интернет”» [23, с. 44], с учетом существующего аналогичного Модельного закона [30] или Цифрового кодекса, который в настоящее время разрабатывается Министерством цифрового раз-

вития, связи и массовых коммуникаций и будет содержать в том числе нормы, направленные на регулирование поведения потребителей в онлайн-среде и защиты персональных данных, использования облачных технологий и искусственного интеллекта [31].

Оригинальную идею решения проблемы конституционализации информационного общества выдвинул патриарх отечественной науки конституционного права С. А. Авакьян, предложивший принять единый консолидированный акт, регулирующий функции государства как держателя и распространителя информации, и обозначение сфер, где государство должно сохранить ведущие позиции. К таким направлениям ученый отнес «ключевые информационные данные, касающиеся внутренней государственной политики; осуществления внешней политики государства; состояния экономики страны; обороны; вооруженных сил; социальной сферы и мер социальной защиты населения; отношений Федерации и ее субъектов, основных линий международной политики; морально-этических ценностей, касающихся детей, женщин, мужчин, семьи, поддерживаемых государством и отраженных в российской Конституции». Такой акт, по мнению С. А. Авакьяна, «должен быть доработан в процессе широко проведенного всенародного обсуждения и далее одобрен по правилам голосования, напоминающим референдум» [32, с. 8]. Уникальность высказанного предложения в том, что подобный акт, в случае его принятия, будет действовать как своеобразный общественный договор по вопросам информационных отношений, заключенный между государством и обществом. Это не потребует внесения изменений в Конституцию, однако, по-видимому, вызовет необходимость его интерпретации Конституционным Судом РФ.

Вторая концепция конституционной идентичности как совокупности критериев допустимого воздействия на конституционный правопорядок со стороны наднациональных институций в условиях информационного общества реализуется через разработку доктрины цифрового суверенитета. Г. Б. Романовский и О. В. Романовская обращают внимание на то, что «первоначальные принципы формирования киберпространства (свобода, открытость, бесплатность, глобальность) создают иную реальность, в рамках которой государство постепенно становится участником конкурентной борьбы за управление социальными процессами» [33, с. 25]. Особенность мессенджеров, телеграмм-каналов, социальных сетей заключается в том, что

передача информации происходит независимо от государственных границ и в режиме реального времени. В связи с этим одним из аспектов обеспечения информационного суверенитета должно стать правовое регулирование деятельности транснациональных корпораций, являющихся монополистами в информационной сфере. Р. В. Амелин и С. Е. Чаннов приходят к выводу об объективной потребности разработки законодательства, регулирующего правовой статус владельцев многопользовательских информационных систем [34, с. 168].

Российская Федерация предпринимает организационно-правовые и технологические усилия для ограничения хранения, обработки и перемещения данных, а также для установления критериев законности деятельности ИТ-гигантов на территории российской юрисдикции. Отражением этого процесса стало закрепление в Конституции РФ обязанности государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71) [3].

Таким образом, понятия «информационные технологии» и «цифровые данные» стали конституционной категорией, закреплена необходимость дальнейшего правового регулирования их создания и использования, определен субъект, в чьем ведении это регулирование находится. Установление обязанности государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных свидетельствует о том, что обеспечение информационной безопасности становится частью обороны и национальной безопасности страны. Важное значение приобретает не только обеспечение безопасности государства (эта категория и раньше присутствовала в Конституции, например, в ч. 3 ст. 55), но и безопасности личности и общества, тем самым подчеркивается комплексный характер информационной безопасности [3].

В результате такая классическая конституционная категория, как суверенитет, приобрела свое информационно-правовое наполнение.

Идея национальной конституционной идентичности как отражение в конституционно-правовых актах процесса формирования и сохранения системы духовно-нравственных и политико-правовых ценностей в условиях информационного общества получает не менее острое звучание. В работах современных авторов указывается на кризис национальной идентичности, характерный для современного общества.

Т. Г. Чекменёва, отмечает, что «кризис идентичности проявляется в утрате статусов, идеалов, ценностей, лежащих в основе господствующей политической культуры, поиске новых духовных ориентиров, своего места в общественной системе и своих связей с государством, переоценке прошлого опыта, идей, символов» [35]. Р. Г. Гаджиева делает вывод, что России придется решать вопросы национальной идентичности, «исходя не только из новых реалий, но и обращаясь к “старым” идеям, т.е. идеям прошлого, которые уже перестали быть старыми и перешли в разряд вечных» [36, с. 40].

Одним из механизмов конституционализации новых-старых духовно-нравственных ценностей стало введение их непосредственно в текст Конституции: в результате конституционную прописку получили такие категории, как доверие между государством и обществом, солидарность поколений, преемственность в развитии государства, уважение к человеку труда, идеалы и вера в Бога, историческая правда и подвиг народа.

Продолжением конституционализации этических категорий стал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором впервые в истории постсоветской России защита духовно-нравственных ценностей была обозначена как стратегический национальный приоритет. Были названы и сами традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [37].

Это позволяет говорить о легитимизации системы духовно-нравственных ценностей в российском праве.

Несколькими годами раньше этот подход был реализован в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, где было введено понятие «качество информации». Согласно Стратегии качественная информация должна быть достоверной, безопасной и полезной. Польза информации в самом общем плане оценивается в зависимости от того, насколько ее получение, сохранение, производство и распространение соответствует

стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации. Кроме того, в Стратегии есть примеры конкретизации полезности информации: она должна соответствовать высокому интеллектуальному и культурному уровню развития россиян, способствовать удовлетворению их потребностей в постоянном развитии, получении новых компетенций, расширению кругозора; может использоваться для привлечения детей и молодежи к науке и творчеству, развитию их когнитивных способностей; создавать условия для совершенствования образовательных программ и противодействия попыткам фальсификации истории; способствовать распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 19, 24, 26) [38].

Результаты

В современных условиях становления нового геополитического миропорядка формирование национальной конституционной идентичности видится важнейшей государственной стратегией обеспечения и поддержания гражданского согласия и единства российского общества. Цивилизационная уникальность Российской Федерации проявляется, в первую очередь, через ее богатое культурно-историческое и духовно-нравственное наследие, которое заложено в ментальности многонационального народа и преобразуется в традиционные ценности как основу развития конституционного строя нашего государства. Политико-правовое измерение процессов, связанных с формированием российской национальной конституционной идентичности в условиях информационного общества, включает в себя: конституционализацию информационно-правовых отношений, защиту цифрового суверенитета, аксиологическое измерение процедур, характерных для информационного общества.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1999. 576 с.
2. Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 21–49.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.
4. Саликов М. С., Либанова С. Э., Остапович И. Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–230. <https://doi.org/10.17223/15617793/440/30>
5. Доклад В. Д. Зорькина на юбилейной Конференции в РАН 10 декабря 2003 года «Конституция России». URL: <https://viperson.ru/articles/doklad-v-d-zorkina-na-yubileynoy-konferentsii-v-ran-10-dekabrya-2003-goda-konstitutsiya-grossii> (дата обращения: 06.08.2023).
6. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М. : Юридическая литература, 2005. 576 с.
7. Кабышев В. Т. Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 12–21.
8. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. Т. 6, № 9. С. 52–64.
10. Виноградова Е. В. Российская конституционная идентичность. Смертная казнь: против и... против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 1. С. 22–47. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>, EDN: IGWWUH
11. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 30, ст. 4658.
12. Волков С. Ю., Помелова Ю. П. Национальная идентичность как научная категория // Огарёв-Online. 2018. № 6 (111). С. 1–7.
13. Кузнецов К. А., Щелин П. А. Национальная идентичность и устойчивая государственность // Сравнительная политика. 2014. Т 5, № 1 (14). С. 31–36. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-31-36](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-31-36)

14. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14. EDN: JXXNLZ
15. Комкова Г. Н. Категория «Ценность» в конституционном праве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 97–99.
16. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 1–12. EDN: ZEINVX
17. Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica (Русский закон). 2016. № 3 (112). С. 164–182. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182>
18. Бокова Л. Н., Абдрахманов Д. В. Информационное общество России в конституционно-правовом измерении // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 30–33. EDN: ZBPZHB
19. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova>
20. Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально-информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1076–1077.
21. Саликов М. С., Несмеянова С. Э. Права и свободы человека в сети Интернет: особенности реализации и защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1. С. 5–13
22. Середа В. Н., Середа М. Ю. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2013. 252 с.
23. Комарова В. В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. 2022. № 2. С. 38–46. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-38-46>
24. Липчанская М. А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение // Государственная служба. 2020. Т. 22, № 4. С. 37–41.
25. Наумов В. Б., Тютюк Е. В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. С. 219–231. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10634>
26. Минаева А. И. Цифровые права как элементы правового статуса личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 3А. С. 69–77. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.81.43.035>, EDN: RPMDHK
27. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10 С. 26–32. EDN: EXGFHJ
28. Конституция Грузии (принята 24.08.1995, в ред. Конституционного закона № 2071 от 23.03.2018) // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 06.08.2023).
29. Конституция Греции (принята 11.06.1975, в ред. Постановлений Ревизионного парламента от 06.03.1986, 06.04.2001, 27.05.2008, 25.11.2019) // Парламент Греции. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Syntagma/> (дата обращения: 06.08.2023).
30. Модельный закон «Об основах регулирования Интернета». Приложение к постановлению МПА СНГ от 25.11.2016 г. № 45–12. URL: <https://iacis.rU/public/upload/files/1/658.pdf> (дата обращения: 20.08.2023).
31. Власти предлагают разработать Цифровой кодекс. URL: <https://pravo.ru/news/248062/> (дата обращения: 20.08.2023).
32. Авакьян С. А. Задача конституционного права в аспекте защиты (от) информации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 3–11. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-3-11>, EDN: OTJIGG
33. Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31>, EDN: DHRHRH
34. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. 280 с.
35. Чекменёва Т. Г. Кризис национальной идентичности в постсоветской России и пути его преодоления // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-natsionalnoy-identichnosti-v-postsovet-skoy-rossii-i-puti-ego-preodoleniya> (дата обращения: 20.08.2023).
36. Гаджиева Р. Г. Кризис российской идентичности в условиях глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2009. № 2. С. 35–41.
37. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.
38. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 290.

References

1. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Infra-M, 1999. 576 p. (in Russian).
2. Shustrov D. G. Constitutional identity and constitutional change. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11. Law], 2020, no. 4, pp. 21–49 (in Russian).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February

- 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of September 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416; Official Internet portal of legal information (<http://pravo.gov.ru>), October 6, 2022, № 0001202210060013 (in Russian).
4. Salikov M. S., Libanova S. E., Ostapovich I. Yu. Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution. *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 440, pp. 219–230 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/440/30>
 5. *Doklad V. D. Zor'kina na yubileynoy Konferentsii v RAN 10 dekabrya 2003 goda «Konstitutsiya Rossii»* (Report by V. D. Zorkin at the anniversary Conference at the Russian Academy of Sciences on December 10, 2003, “The Constitution of Russia”). Available at: <https://viperson.ru/articles/doklad-v-d-zorkina-na-yubileynoy-konferentsii-v-ran-10-dekabrya-2003-goda-konstitutsiya-rossii> (accessed August 6, 2023) (in Russian).
 6. Ebzeev B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 2005. 576 p. (in Russian).
 7. Kabyshev V. T. Constitutional dialogue. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2017, no. 5 (118), pp. 12–21 (in Russian).
 8. Methodological aspects of constitutional control (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation) (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 19, 2021). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 9. Gracheva S. A. Development of Concept of Constitutional Identity in Connection with the Search for Approaches to Resolving of Collisions of Constitutional Regulators and Law of the European Convention of Human Rights. *Journal of Russian Law*, 2018, vol. 6, no. 9, pp. 52–64 (in Russian).
 10. Vinogradova E. V. Russian constitutional identity. The death penalty, Against, and... against. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2022, iss. 1, pp. 22–47 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-22-47>, EDN: IGWWUH
 11. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law “On the ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Protocols thereto”, paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation”, parts one and four of Article 11, paragraph 4 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 13, paragraph 4 of part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 15, paragraph 4 of part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation and paragraph 2 of part four of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 21-P of July 14, 2015. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 30, art. 4658 (in Russian).
 12. Volkov S. Yu., Pomelova Yu. P. National identity as a scientific category. *Ogarev-Online*, 2018, no. 6 (111), pp. 1–7 (in Russian).
 13. Kuznetsov K. A., Shchelin P. A. National identity and the sustainability of state. *Comparative Politics Russia*, 2014, vol. 5, iss. 1 (14), pp. 31–36 (in Russian). [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-31-36](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-31-36)
 14. Kruss V. I. Russian constitutional axiology: Relevance and prospects. *Konstitutsionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2007, no. 2, pp. 7–14 (in Russian). EDN: JXXNLZ
 15. Komkova G. N. “Value” in Constitutional Law of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 97–99 (in Russian).
 16. Zor'kin V. D. Constitutional identity of Russia: Doctrine and practice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [The Journal of Constitutional Justice], 2017, no. 4 (58), pp. 1–12 (in Russian). EDN: ZEIN VX
 17. Fedotov M. A. Constitutional answers for the challenges of cyberspace. *Lex Russica*, 2016, no. 3 (112), pp. 164–182 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182>
 18. Bokova L. N., Abdrakhmanov D. V. Russian information society in constitutional law dimension. *Konstitutsionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 7, pp. 30–33 (in Russian). EDN: ZBPZHB
 19. Varlamova N. V. Digital rights – new generation of human rights? *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 14, no. 4, pp. 9–46 (in Russian). <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova>
 20. Shahrai S. M. Digital constitution. Fundamental rights and personal freedoms in total information society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 88, no. 12, pp. 1076–1077 (in Russian).
 21. Salikov M. S., Nesmeyanova S. E. Human rights and freedoms on the Internet: Features of implementation and protection. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian Law, Education, Practice, Science], 2019, no. 1, pp. 5–13 (in Russian).
 22. Sereda V. N., Sereda M. Yu. *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v seti Internet* [Protection of human and civil rights and freedoms on the Internet]. Voronezh, IPTs «Nauchnaya kniga», 2013. 252 p. (in Russian).

23. Komarova V. V. The legal status of a human in the digital environment: The view of a constitutionalist. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2022, no. 2, pp. 38–46 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-38-46>
24. Lipchanskaya M. A. Digital rights of man and citizen: Constitutional dimension. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2020, vol. 22, no. 4, pp. 37–41 (in Russian).
25. Naumov V. B., Tytyuk E. V. Legal Issues in Machine Learning. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2020, no. 6, pp. 219–231 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10634>
26. Minaeva A. I. Digital rights as elements of a person's legal status. *Matters of Russian and International Law*, 2021, vol. 11, no. 3A, pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2021.81.43.035>, EDN: RPMDHK
27. Nevinskiy V. V. Human “digital rights”: The essence, system, meaning. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 10, pp. 26–32 (in Russian). EDN: EXGFHJ
28. Constitution of Georgia (adopted on August 24, 1995, as amended by Constitutional Law 2071 of March 23, 2018). *Legislative Bulletin of Georgia*. Available at: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (accessed August 6, 2023) (in Russian).
29. *Constitution of Greece (adopted on June 11, 1975, as amended by the Resolutions of the Auditing Parliament of March 6, 1986, April 6, 2001, May 27, 2008, November 25, 2019)*. *Hellenic Parliament*. Available at: <https://www.hellenicparliament.gr/Vouli-ton-Ellinon/To-Politevma/Syntagma/> (accessed August 6, 2023).
30. *Model Law “On the Fundamentals of Internet Regulation”. Appendix to the resolution of the Intergovernmental Authority of the CIS no. 45–12 of November 25, 2016*. Available at: <https://iacis.rU/public/upload/files/1/658.pdf> (accessed August 20, 2023) (in Russian).
31. *Vlasti predlagayut razrabotat' Tsifrovoy kodeks* (The authorities propose to develop a Digital Code). Available at: <https://pravo.ru/news/248062/> (accessed August 20, 2023) (in Russian).
32. Avakyan S. A. Tasks of constitutional law in protection of (from) information. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2022, no. 8, pp. 3–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-3-11>, EDN: OTJIGG
33. Romanovsky G. B., Romanovskaya O. V. On digital sovereignty. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2022, no. 9, pp. 25–31 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-9-25-31>, EDN: DHRHRH
34. Amelin R. V., Channov S. E. *Evolutsiya prava pod vozdeystviem tsifrovyykh tekhnologiy* [Evolution of law under the influence of digital technologies]. Moscow, Norma, 2023. 280 p. (in Russian).
35. Chekmenyova T. G. Crisis of national identity in the postsoviet Russia and the ways of its overcoming. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* (Bulletin of Voronezh State Technical University), 2010. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-natsionalnoy-identichnosti-v-postsovet-skoy-rossii-i-puti-ego-preodoleniya> (accessed August 20, 2023) (in Russian).
36. Gadzhieva R. G. Crisis of Russian identity under conditions of globalization. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations*, 2009, no. 2, pp. 35–41 (in Russian).
37. On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2022, no. 46, art. 7977 (in Russian).
38. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. Decree of the President of the Russian Federation no. 203 of May 9, 2017. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 20, art. 290 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 22.09.2023
The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 22.09.2023